

Земщина и казаки при избраніи на царство Михаила Романова

Избраніе на Московское царство юноши Михаила Романова произошло, по словамъ современниковъ, съ чуднымъ единогласіемъ разнородныхъ элементовъ Московскаго собора, какъ-бы по внушенію свыше.

Откуда произошло это единогласіе? Что заставило разнородные элементы собора яко едиными усты назвать Михаила?

Проф. С. Θ. Платоновъ въ недавней своей статьѣ „Избраніе М. Θ. Романова въ Русской Исторической Литературѣ“ (*Журн. Мин. Нар. Пр.* 1913 г. № 2) объясняетъ причины общаго вниманія соборяныъ къ Михаилу тѣмъ, что онъ былъ кандидатомъ собравшихся въ Москвѣ казаковъ. По мнѣнію проф. Платонова, казаки были болѣе сильны численно, чѣмъ боярскіе дѣти и дворяне, и потому были господами положенія; а кандидатура Михаила была вполне приемлема для земщины. На ней обѣ стороны сошлись.

Въ основаніи мнѣнія проф. Платонова лежитъ указаніе на взгляды и отношенія казаковъ и земщины, находящееся въ распросной рѣчи боярскаго сына Ивана Философова. Философовъ былъ взятъ Поляками въ плѣнъ подъ Москвой въ концѣ Ноября 1612 г. Подвергнутый допросу, онъ сообщилъ, что на Москвѣ у бояръ и у лучшихъ людей есть желаніе просить на царство королевича Владислава, но что прямо говорить о королевичѣ они не смѣютъ, *боясь казаковъ*, а говорятъ вообще, что надо избрать на царство чужеземца. Во всемъ, рассказываетъ Философовъ, казаки бояромъ и дворяномъ сильны, дѣлаютъ, что хотятъ; а дворяне и дѣти боярскія разбѣжались по помѣстьямъ, а на Москвѣ осталось дворянъ и дѣтей боярскихъ всего тысячи съ двѣ, да казаковъ полняты тысячи человекъ (то-есть 4500), да стрѣльцовъ съ тысячи человекъ, да мужики чернь... А дѣлаетъ всякія дѣла, продолжаетъ Философовъ,—князь Дмитрий Трубецкой да князь Дмитрий Пожарскій да Куземка Мининъ.

Проф. Платоновъ вѣритъ каждому слову Философова. Между тѣмъ его показаніе требуетъ строгаго критическаго отношенія.

Философовъ—одинъ изъ тѣхъ земскихъ людей, которые выступили противъ Поляковъ и противъ Владислава. Попадъ въ руки Поляковъ, онъ долженъ былъ придумать что-нибудь въ свое оправданіе. Не имѣя возможности говорить лично о себѣ, онъ объявилъ, что бояре и „лучшіе люди“ вовсе не враги Владислава. Они не называютъ его по имени только потому, что боятся казаковъ. Да въ сущности въ Москвѣ „лучшихъ людей“ почти что нѣтъ; они разбѣжались; осталось такъ мало, что казаки превышаютъ ихъ числомъ болѣе, чѣмъ вдвое. Показаніе Философова складно и логично; но къ нему онъ добавляетъ нектати: всякія дѣла дѣлаетъ не только связанный съ казаками кн. Дмитрій Трубецкой, но и яркіе предводители земщины, кн. Пожарскій и Кузьма Мининъ.

Очевидно, передъ нами показаніе заинтересованнаго человѣка, старающагося выпутаться изъ бѣды. Та его часть, гдѣ говорится о желаніи земскихъ людей поддержать кандидатуру Владислава,—несомнѣнная ложь; мы знаемъ, что земцы собрались подъ Москву именно потому, что не хотѣли имѣть царемъ Владислава. Ничто въ нашихъ источникахъ не указываетъ на страхъ земцевъ передъ казаками. Повидимому, и здѣсь въ показаніи Философова—ложь; этотъ страхъ, какъ сейчасъ увидимъ,—неправдоподобенъ; повидимому, онъ цѣликомъ выдуманъ. Въ связи съ нимъ приходится отнестись скептически и къ числовымъ отношеніямъ казацкихъ и земскихъ силъ, выставленнымъ въ показаніи Философова. Единственное, что въ этомъ показаніи вполне подтверждается источниками, это свидѣтельство о власти Трубецкого, Пожарскаго и Минина.

Проф. Платоновъ вѣритъ, какъ мы уже сказали, каждому слову Философова. Въ подкрѣпленіе его свидѣтельства о страхѣ земцевъ передъ казаками онъ приводитъ слова Аврамія Палицына. Въ той главѣ „Сказанія“, которая посвящена избранію Михаила, Палицынъ пишетъ: *„Казацкаго же чина воинство многочисленно тогда бысть и въ прелесть велику горше прежняго впадоша, вдавшеся блуду, питію и зерни, и пропивше и проигравше вся свои имѣнія, насилующе многимъ въ воинствѣ, наче же православному христіанству и исходяще изъ царствующаго града во вся грады и селы и деревни и на путехъ грабяще и мучаще немилостивно, сугубѣйше прваго десяторицею. И кто можетъ изглаголати тоя бѣды, тогда сотворшіяся отъ нихъ? Ни единъ бо невѣрныхъ сотвори толка зми, еже они творягу православнымъ христіаномъ различно мучаще. И бысть во всей Россіи мятежъ великъ и нестроеніе злѣйши прваго“.*

Свѣдѣнія, сообщаемыя въ выписанномъ мѣстѣ „Сказанія“, безусловно важны и объясняютъ многое въ событіяхъ времени избранія Михаила.

Палицынъ говоритъ, что казаки разошлись изъ Москвы по всей Россіи и начали грабить *весь* города, села и деревни, разбойничать на дорогахъ и

мучать безъ пощады, добиваясь признаній о скрытомъ добрѣ. Отъ грабежа страдали и многіе изъ „воинства“; но особенно тяжко было крестьянамъ.

Положеніе боярскихъ дѣтей и дворянъ въ Москвѣ было, конечно, печальнымъ. Ихъ звали домой защищать свои помѣстья и своихъ крестьянъ отъ грабительскихъ шаекъ; но имъ необходимо было оставаться въ Москвѣ, чтобы докончить начатое государственное дѣло. Поэтому казаки въ своихъ грабежахъ не встрѣчали сопротивленія, и во всей Россіи, дѣйствительно, происходило нестроеніе злѣе прежняго.

Мы знаемъ, что казацкія шайки, разошедшіяся по Россіи еще въ 1612 г. вскорѣ пробрались даже на окраины Московскаго сѣвера и въ теченіи ряда годовъ терзали крестьянство. Но ихъ насилія происходили уже внѣ Москвы. Слѣдовательно, *въ Москвѣ* казаковъ не могло быть много; они не представляли *тамъ* силы, не имѣли сколько-нибудь выдающагося вождя и не могли внушать страхъ земцамъ. Хозяиничавшіе въ Москвѣ Пожарскій и Мининъ были не на ихъ сторонѣ и, конечно, могли бы организовать охрану „воинства“, если бы она была нужна. Но они заботились не о наведеніи порядка въ Москвѣ,—тамъ его было, очевидно, достаточно, а о скорѣйшемъ завершеніи государственнаго дѣла, чтобы „воинство“ могло имѣть свободныя руки и защищать на мѣстахъ крестьянство.

Мы упомянули, что страхъ земцевъ передъ казаками—неправдоподобенъ. Если мы примемъ цифры, сообщенныя Философовымъ Полякамъ, и повѣримъ, что въ концѣ 1612 г. въ Москвѣ дѣтей боярскихъ и дворянъ было тысячи двѣ, а казаковъ 4500, и тутъ мы должны будемъ признать, что перевѣсъ былъ скорѣе на сторонѣ земцевъ, а не казаковъ.

Мы знаемъ, что дѣти боярскіе и дворяне являлись на службу конны, людны и оружны, то-есть на коняхъ, въ сопровожденіи того или другого числа вооруженныхъ, изъ крестьянъ и дворовыхъ, и съ болѣе или менѣе значительнымъ вооруженіемъ.

Въ то время, какъ казаки представляли изъ себя плохо организованную, плохо одѣтую и плохо вооруженную пѣшую массу, конные земскіе полки Пожарскаго были дѣйствительнымъ воинствомъ. Противъ сабель и рогатинъ казаковъ земцы имѣли и холодное оружіе, и вошедшее тогда уже въ широкій обиходъ оружіе огнестрѣльное, и доспѣхи. Какъ извѣстно, качество вооруженія имѣетъ для боя существенное значеніе. Дешевая сабля казака, обыкновенной русской работы, то-есть изъ простой русской стали, не могла разрубить даже недорогой желѣзной шапки или кольчуги, между тѣмъ какъ булатный клинокъ сына боярскаго легко разсѣкалъ не только желѣзный листъ, но даже толстый желѣзный гвоздь.

Такимъ образомъ силы земцевъ и казаковъ въ Москвѣ въ концѣ 1612 г. даже въ томъ видѣ, какъ ихъ представляетъ Философовъ, были по меньшей мѣрѣ равны. Во всякомъ случаѣ казаки не могли оказывать на земцевъ столь сильнаго давленія, чтобы вліять на нихъ даже въ дѣлѣ царскаго избранія. Да еще остается вопросомъ, дѣйствительно ли казаки очень интересовались личностью будущаго царя. Судя по ихъ связямъ—въ Тушинское время—съ Поляками и западно-русами (въ родѣ Ружинскаго, Лисовскаго, Сапѣги), они не имѣли ничего противъ Владислава. Онъ былъ для нихъ величиною неопредѣленною, малоизвѣстною; но то, что они должны были знать о казакахъ въ Польско-Литовскомъ государствѣ, едва ли могло дѣлать для нихъ кандидатуру Владислава ненавистною. Они могли возстать только противъ кандидатуры лица, изъ числа Московскихъ бояръ, которому молва приписывала жестокое или суровое обращеніе съ ихъ крестьянами и холопами. А такихъ лицъ, какъ извѣстно, было не мало.

Дальнѣйшая судьба оставшихся въ Москвѣ въ февралѣ 1613 г. казаковъ, послѣ избранія ими царя, также не говоритъ о какой-либо значительности ихъ роли. Ихъ атаманъ (которыхъ даже имена намъ не извѣстны) тотчасъ исчезли съ историческаго горизонта. Очевидно, за ними не признавали заслугъ въ дѣлѣ избранія на царство Михаила, и ни одинъ изъ нихъ не раздѣлил почестей съ говядаремъ Кузьмою Мининымъ. Повидимому, эти казаки—были служилые казаки Московскаго Юга. Вольница, столь рѣшительно расправившаяся съ Прокопьемъ Липуновымъ за его несвоевременную попытку законодательствовать,—въ это время или находилась съ Заруцкимъ далеко отъ Москвы или грабила крестьянъ и проѣзжихъ на обширномъ пространствѣ Московскаго центра и Сѣвера. Она не приняла участія въ избраніи царя.

А. Соболевскій.

